А
И85

Михаил Исаковский

ОГИЗ — СМОЛГИЗ
Смоленск
1944

153531

кн. 95а
Ц. XX-44г.

ou

А
И85

М. Исаковский

1948

1955

2001

ЗДРАВСТВУЙ, СМОЛЕНСК!

СТИХИ И ПЕСНИ

153531

1952

Смоленская обл. библиотека
Книгохранилище

ОБЛАСТНАЯ
СМОЛЕНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГИЗ—СМОЛГИЗ
СМОЛЕНСК
1944

А
И-85
1966

М. ИСАКОВСКИЙ
Редактор Н. И. Рыленков.
Корректор Н. А. Гуревич.
Сдано в набор 11/VII—44 г.
Подписано к печ. 25/VIII—44 г.
Бумага 72×84 1/32. Печ. л. 2.
Уч.-авт. л. -3,11.
Знаков в печ. л. 64512.
Тираж 10000.
Смоленск, тип. им. Смирнова.
НК 00021. Заказ № 598.

Фонд редких
книг
153531
2012
2188

СЛАВА РОДИНЕ

1

Да здравствует долгие годы,
Да будет во все времена
Страна трудового народа,
Советская наша страна!

Из битвы с врагами кровавой
За землю, за волю, за власть,
Всесильной свободной державой
Победно она поднялась.

Мы грудью ее отстояли,
Все помыслы отдали ей.
Согрел ее Ленин и Сталин
Великой любовью своей.

Над нею народы впервые
Увидели солнце свое.
Да здравствуют руки ее трудовые,
Да светится имя ее!

2

Живи, советская отчизна,
Заветам Ленина верна.
Живи, страна социализма,
Стремлений Сталинских страна!

Живи на радость нам,
Живи на страх врагам,
Заветам Ленина верна.

Не выпускай из рук державных
Своих прославленных знамен.
Крепи свободный, равноправный
Союз народов и племен!

Крепи на радость нам,
Крепи на страх врагам
Союз народов и племен!

Иди вперед неутомимо,
И в мировом созвездьи стран
Свети звездой неугасимой,
Страна рабочих и крестьян!

Свети на радость нам,
Свети на страх врагам,
Страна рабочих и крестьян.

ЗДРАВСТВУЙ, СМОЛЕНСК!

Ты спешишь к дорогам, к переправам,
Ты родных встречаешь сыновей...
Здравствуй, город древней русской славы,
Здравствуй, город юности моей!

Сколько раз в мучительной разлуке,
На войне вдыхая горький дым,
Издали протягивал я руки
К площадям и улицам твоим.

Ты лежал под вражеской пятою,
Залит весь горючею слезой...
Что они наделали с тобою,
Город песен, город ясных зорь!

Не твои ль сады они срубили?
Не твои ли улицы сожгли?
Не твоих ли девушек сгубили,
Как рабынь, в неволю увели?

Не твоей ли кровью обливался
Каждый камень этих площадей?..
Все ты вынес, выдержал, не сдался,
Город-пленник, город всех скорбей.

От тебя ни пыткою, ни казнью
Враг не смог добиться ничего, —
Верил ты, что будет этот праздник —
Праздник воскресенья твоего;

Что врагу за все твои печали
Счет предъявит русская земля...
Срок настал. И двинул войско Сталин
К древним стенам твоего Кремля.

Вот оно проходит пред тобою,
Названное именем твоим,
И победы знамя боевое
Гордо развевается над ним.

К площадям, к дорогам, к переправам
Ты спешишь встречать богатырей...
Ты свободен, город русской славы,
Светлый город юности моей!

Сентябрь 1943.

Я ВЫРОС В ЗАХОЛУСТНОЙ СТОРОНЕ

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что ехало к ним счастье на коне,
Да богачи его перехватили.

Я вырос там, где мой отец и дед
Бродили робко у чужих поместий,
Где в каждой хате — может, тыщу лет —
Нужда сидела на почетном месте.

Я вырос там, среди скупых полей,
Где все пути терялися в тумане,
Где матери, баюкая детей,
О горькой доле пели им заране.

Клочок земли, соха да борона —
Такой была родная сторона.
И под высоким небом наших дней
Я очень часто думаю о ней.

Я думаю о прожитых годах,
О юности глухой и непогожей,
И все, что нынче держим мы в руках,
Мне каждый раз становится дороже.

1944

ЗЕМЛЯ

Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то-есть навечно.

(Из Конституции СССР).

Земля, земля — родная мать!
Поговори с любимым сыном...
Конца и края не видать
Твоим пригоркам и равнинам.

Твоим богатствам меры нет,
Они лежат, неисчислимы...
Земля, земля! А сколько ж бед
Из-за тебя перенесли мы!

Не ты ли долгие века
Была для нас мечтой несмелой?
В потемках доля бедняка
Не про тебя ли песни пела?

Не ты ли заставляла нас
Сбывать последние гнилушки?
Не ты ли отправляла нас
В переселенческой теплушке?

Не за тебя ли — каждый год —
Богатым кланялись мы в ноги?
Не за тебя ли шел народ
По той Владимирской дороге?

Не ты ль весь век была в плену,
Родная мать — земля сырая?
Не за тебя ль мы всю страну
Прошли от края и до края?

Земля, земля! Горит рассвет,
И ты для нас — кругом открыта...
Земля, земля! А сколько ж бед,
А сколько ж горя пережито!

1937.

ВЕСНА

Растаял снег, луга зазеленели,
Телеги вновь грохочут по мосту.
И воробьи от солнца опьянели,
И яблони качаются в цвету.

По всем дворам — где надо и не надо —
С утра идет веселый перестук,
И на лужайке принимает стадо
Еще зимою нанятый пастух.

Весна, весна кругом живет и дышит,
Весна, весна шумит со всех сторон!..
Взлетел петух на самый гребень крыши
Да так поет, что слышит весь район.

Раскрыты окна. Веет теплый ветер,
И легкий пар клубится у реки.
И шумно солнцу радуются дети,
И думают о жизни старики.

1927.

НАСТАСЬЯ

Ой, не про тебя ли пели скоморохи,
Пели скоморохи в здешней стороне:
— Завяла березонька при дороге,
Не шумит, зеленая, по весне.

Ой, не ты ль, Настасья, девкой молодою
Думала-гадала — любит или нет?
Не тебя ль, Настасья, с горем да с нуждою
Обвенчали в церкви в зимний мясоед?

Не тебе ль, Настасья, говорили строго,
Что на белом свете все предрешено,
Что твоя дорога — с печки до порога,
Что другой дороги бабам не дано.

Расскажи ж, Настасья, про свою недолю,
Расскажи, Настасья, про свою тоску.

Сколько раз, Настасья, ты наелась вволю?
Сколько раз смеялась на своем веку?

Сколько лет от мужа синяки носила?
Сколько раз об землю бита головой?
Сколько раз у бога милости просила,
Милости великой — крышки гробовой?

Расскажи, Настасья, как при звездах жала,
Как ночей не спала страдною порой,
Расскажи, Настасья, как детей рожала
На жнивье колючем, на земле сырой.

Сосчитай, Настасья, сколько сил сгубила,
Сколько слез горючих выплакала здесь...
Говори, Настасья, обо всем, что было,
Говори, Настасья, обо всем, что есть.

Но не ты ль, Настасья, по тропинке росной
Ходишь любоваться — как хлеба шумят?
То не ты ль, Настасья, на земле колхозной
Отыскала в поле заповедный клад?

Не твои ль поймали руки золотые
Сказочную птицу — древнюю мечту?
Не перед тобой ли старики седые
С головы снимают шапку за версту?

И не про тебя ли говорят с почетом
В городе далеком и в родном селе?
За твою работу, за твою заботу
Не тебя ли Сталин принимал в Кремле?

И не ты ль, Настасья, говорила бабам,
Что родней на свете человека нет:
— Дал он хлеб голодным, дал он силу слабым,
Дал народу счастье да на тыщи лет.

Он своей рукою вытер бабьи слезы,
Встал за нашу долю каменной стеной...
Больше нет, Настасья, белой той березы,
Что с тоски завяла раннею весной.

1935.

ВИШНЯ

В ясный полдень, на исходе лета
Шел старик дорогой полевой.
Вырыл вишню молодую где-то
И, довольный, нес ее домой.

Он глядел веселыми глазами
На поля, на дальнюю межу.
И подумал: «Дай-ка я на память
У дороги вишню посажу.

Пусть растет большая-пребольшая,
Пусть идет и вширь, и в высоту
И, дорогу нашу украшая,
Каждый год купается в цвету.

Путники в тени ее прилягут,
Отдохнут в прохладе, в тишине,
Наедятся сочных, спелых ягод
И, наверно, вспомнят обо мне.

А не вспомнят — экая досада, —
Я об этом вовсе не тужу:
Не хотят — не вспоминай, не надо, —
Все равно я вишню посажу».

1940.

В ГОСТИ ПРИЕХАЛА ДОЧЬ

Теплой весной под родимую кровлю
В гости приехала дочь...
Села старуха к ее изголовью
И не заснула всю ночь.

Словно над малым ребенком, сидела
В тихой и темной избе, —
То ль она думала, то ль она пела
Песню о женской судьбе:

«Вот оно дело случилось какое,
Как повернулось оно:
Сила и разум, и счастье людское —
Все тебе, дочка, дано.

Значит, недаром жила ты на свете,
Шла по пути своему,
Сталин тебя, говорили, заметил,
Сталин — спасибо ему.

Честно ты служишь советскому краю,
Будь же такою всегда...
Я теперь часто сижу, вспоминаю
Горькие наши года:

Как мы с тобой голодали когда-то,
Как замерзали зимой;
Как проводили отца на Карпаты
И не дождались домой.

Я, как сейчас, над тобою сидела
В долгие ночи, скорбя.
Ты еще думать тогда не умела,
Думала я за тебя.

Только своей головою понурой
Что я придумать могла?
Торбу надела, тебя пригорнула,
Перекрестилась, пошла...

Долго б терпели мы смертную муку,
Мерзли б по всем большакам,
Если бы Ленин надежную руку
Не протянул беднякам.

Дал он народу великое право,
С плеч моих снял он суму.
Низкий поклон ему, вечная слава,
Вечная память ему!

Все свои думы в тебя я вложила,
Всю свою душу и жизнь.
Помнишь, тогда я тебе говорила:
«Дочка, старайся, учись!

Мать прожила, как слепая, без света, —
Сроду не трогала книг.
Дочка, старайся и помни об этом,
Сразу учись за двоих...»

Все у тебя по-хорошему вышло.
Словно предвидела я;

Все тебе видно и все тебе слышно,
Радость и гордость моя!

Будь же счастливой, живи на просторе,
Дальше и дальше иди.
Я ничего не видала за горем, —
Ты за меня погляди.

Пусть широка твоя будет дорога,
И широка, и светла.
Мне уж теперь остается немного —
Сила моя отошла.

Что же, об этом жалеть я не стану, —
То, что ушло, не вернешь.
Если засохну и если завяну,
Ты за меня доживешь.

Пусть твое солнце горит, не сгорая,
День ли наступит, иль ночь...

* *
*

Теплой весною из дальнего края
В гости приехала дочь.

1940.

ПРОЩАНЬЕ

(Прощальная комсомольская)

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
— Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
— Я желаю всей душой, —
Если смерти, — то мгновенной,
Если раны, — небольшой.

А всего сильней желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
— А еще тебя прошу я —
Напиши мне письмецо.

— Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Все равно, — сказал он тихо, —
Напиши... куда-нибудь!

1935.

КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой, ты песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

1938.

МОРЯЧКА

Уезжал моряк из дому,
Стал со мною говорить:
— Разрешите вам на память
Свое сердце подарить.

И когда я плавать буду
Где-то в дальней стороне, —
Хоть разочек, хоть немножко
Погрустите обо мне.

Я ответила шутливо,
Что приятна эта речь,
Но такой большой подарок
Неизвестно, где беречь.

И к тому ж, товарищ милый,
Разрешите доложить:
Чтобы девушка грустила —
Это надо заслужить.

Он обиделся, наверно,
Попрощался кое-как:
Шутки девичьей не понял
Недогадливый моряк.

И напрасно почтальона
Я встречаю у ворот:
Ничего моряк не пишет,
Даже адреса не шлет.

Мне и горько и досадно,
И тоска меня взяла,
Что не так ему сказала,
Что неласкова была.

А еще того досадней,
Что на людях, и в дому —
Все зовут меня морячкой
Неизвестно почему.

1940.

ПРОВОЖАНЬЕ

Дайте в руки мне гармонь —
Золотые планки! —
Парень девушку домой
Провожал с гулянки.

Шли они — в руке рука —
Весело и дружно,
Только стежка коротка, —
Расставаться нужно

Хата встала впереди —
Темное окошко...
Ой ты, стежка, погоди,
Протянись немножко!

Ты потише провожай,
Парень сероглазый,
Потому, что очень жаль
Расставаться сразу...

Дайте ж в руку мне гармонь,
Чтоб сыграть страданье.
Парень девушку домой
Провожал с гулянья.

Шли они — рука в руке, —
Шли они до дому.
А пришли они к реке,
К берегу крутому.

Позабыл знакомый путь
Ухажор-забава:
Надо б влево повернуть, —
Повернул направо!

Льется речка в дальний край, —
Погляди, послушай...
Что же, Коля-Николай,
Сделал ты с Катюшей?

Возвращаться позже всех —
Кате неприятно,
Только ноги, как на грех,
Не идут обратно.

Не хотят они домой —
Ноги молодые...
Ой, гармонь моя, гармонь —
Планки золотые!

1936.

И КТО ЕГО ЗНАЕТ

На закате ходит парень
Возле дома моего.
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.
И кто его знает —
Чего он моргает.

Как приду я на гулянье, —
Он танцует и поет.
А простимся у калитки, —
Отвернется и вздохнет.
И кто его знает —
Чего он вздыхает.

Я спросила. — Что не весел?
Иль не радует житье?
— Потерял я, — отвечает, —
Сердце бедное свое.
И кто его знает —
Зачем он теряет.

А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке — только точки, —
Догадайся, мол, сама.
И кто его знает —
На что намекает.

Я разгадывать не стала —
Не надейся и не жди.
Только сердце почему-то
Сладко таяло в груди
И кто его знает —
Чего оно тает.

1936.

ШЕЛ СО СЛУЖБЫ ПОГРАНИЧНИК

(У колодца)

Шел со службы пограничник,
Пограничник молодой.
Подошел ко мне и просит
Угостить его водой.

Я воды достала свежей,
Подала ему тотчас,
Только вижу — пьет он мало,
А с меня не сводит глаз.

Начинает разговоры —
Дескать, как живете здесь?
А вода не убывает, —
Сколько было, столько есть.

Не шути напрасно, парень, —
Дома ждут меня дела...
Я сказала: — До свиданья! —
Повернулась и пошла.

Парень стал передо мною,
Тихо тронул козырек:
— Если можно, не спешите,
Я напьюсь еще разок.

И ведро с водой студеной
Ловко снял с руки моей.
— Что же, пейте, — говорю я, —
Только пейте поскорей.

Он напился, распрямился,
Собирается итти:
— Если можно, пожелайте
Мне счастливого пути.

Поклонился на прощанье,
Взялся за сердце рукой...
Вижу — парень он хороший
И осанистый такой.

И чего — сама не знаю —
Я вздохнула горячо

И сказала почему-то:
— Может, выпьете еще?

Улыбнулся пограничник,
Похвалил мои слова...
Так и пил он у колодца
Может, — час, а может, — два.

1939.

НА ГОРЕ—БЕЛЫМ-БЕЛА

На горе — белым-бела —
Утром вишня расцвела.
Полюбила я парнишку,
А завлечь не завлекла.

Я по улице хожу,
Об одном о нем тужу,
Но ни разу он не спросит—
Что на сердце я ношу.

Только спросит — как живу,
Скоро ль в гости позову...
Не желает он, наверно,
Говорить по существу.

Я одна иду домой,
Вся печаль моя со мной.
Неужели ж мое счастье
Пронесется стороной?

1940.

ЧТО ЗА СЛАВНЫЕ РЕБЯТА

Что за славные ребята,
Только встреча коротка...
Приезжали из Кронштадта
К нам четыре моряка.

И словами, и делами,
И собою хороши.
Если девушка посмотрит —
Остается без души.

ИТИЧСКАЯ
ЧАСТНАЯ
ИБЛИОТЕКА

Как сойдутся все четыре
Да с гармошкою пройдут, —
За собою на буксире
Всю околицу ведут.

Наши парни приуныли, —
Видно, зависть их берет,
Что девчат в одну неделю
Покорил Балтийский флот.

А девчатам — то ли дело
Левым глазом подмигнуть:
Дескать, суша надоела,
Надо на море взглянуть.

Под балтийскую гармошку
Сами ходят каблуки,
Только жалко, что весною
Ночи больно коротки.

А еще в груди тревога,
А еще душа болит,
Что кронштадтская дорога
Расставаться нам велит;

Расставаться, разлучаться,
А разлука тяжела...
Ох, и жаль, что нету моря
Возле нашего села!

1940.

ПЕСНЯ О ДЕВУШКЕ *

Я хожу по улице
Да не нахожуся,
Я гляжу на девушку
Да не нагляжуся.

Я б ее засватал, —
Поп венчать не хочет.
Поп венчать не хочет,
Взять за сына прочит.

* Написано на тему старой русской песни.

Дьякон — деньги на-кон —
Не идет, не служит,
Потому не служит, —
Сам по девке тужит.

А дьячок не дьячит, —
Сам по девке плачет,
А звонарь не звонит, —
Сам по девке стонет.

Я пойду, ребята,
Из села родного,
В темной пуще зверя
Наловлю лесного,

Дам попу лисицу,
Дьякону — куницу,
А дьячку — горюше —
Хоть заячьи уши.

Может, добрым словом
Парня повстречают,
Может, с красной девкой
Парня обвенчают.

1940.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

За окошком в белом поле —
Сумрак, ветер, снеговей...
Ты сидишь, наверно, в школе —
В светлой комнатке своей.

Зимний вечер коротая,
Наклонилась над столом:
То ли пишешь, то ль читаешь,
То ли думаешь о чем.

Кончен день, — и в классах пусто,
В старом доме тишина.
И тебе немножко грустно,
Что сегодня ты одна.

Из-за ветра, из-за вьюги
Опустели все пути, —
Не придут к тебе подруги
Вместе вечер провести.

Замела метель дорожки, —
Пробираться нелегко,
Но огонь в твоем окошке
Виден очень далеко.

1938.

В РОДНОМ КРАЮ

Тихо в поле, тихо в роще,
Солнце гаснет за рекой.
Не спеша проходит летчик
По дорожке полевой.

Летчик с Дальнего Востока,
Бивший недруга в бою, —
Он приехал издалека
Погостить в родном краю;

Посмотреть на эти хаты,
Где живут его друзья,
На широкие закаты,
На березы у ручья.

Он приехал наглядеться
На поля, и на леса,
И на все, что помнил с детства
И чего забыть нельзя.

Летчик с Дальнего Востока,
Пограничник боевой —
Он идет во ржи высокой
По дорожке полевой.

И бежит, бежит дорожка
И горит, горит закат...
Где-то пробует гармошку
Беспокойный музыкант.

Где-то ласково и звонко
Голос девичий запел:
«На родимую сторонку
Ясный сокол прилетел».

1939.

СПОЙ МНЕ, СПОЙ, ПРОКОШИНА*

Памяти моей матери.

Спой мне, спой, Прокошина,
Что луга не скошены,
Что луга не скошены,
Стежки не исхожены.
Пусть опять вспомянется
Все, что к сердцу тянется,
Пусть опять почудится
Все, что не забудется:

Сторона далекая,
Хата в два окна.
В поле рожь высокая,
Теплая весна.
Ельники, березники
И друзья-ровесники...
Под отцовской крышею
Здесь я жил и рос,
Здесь ребячье, первое
Слово произнес.

И отсюда в юности
Начал долгий путь,
Чтоб судьбу счастливую
Встретить где-нибудь;
Чтоб свое законное
Место отыскать.
И меня за росстани
Проводила мать.

---

* Александра Прокошина — запевала в хоре имени Пятницкого.

Обняла, заплакала:
— Ну, сынок, иди!..
И осталась, бедная,
Где-то позади.
И осталась, горькая,
На закате дня
Думать и надеяться,
Ожидать меня.

И мне часто чудится,
Что сидит она
И глазами блеклыми
Смотрит из окна.
Смотрит — не покажется ль
Пыль на большаке,
Смотрит — не появится ль
Путник вдалеке.
Может быть, появится,
Может, это я...

И опять мне хочется
В дальние края;
В дальние смоленские,
К матери родной —
Будто не лежит она
В поле под сосной;
Будто выйдет, старая,
Встретит у ворот
И со мною подвечер
На поля пойдет.
Станет мне рассказывать
Про вчерашний сон,
Про дожди весенние,
Про колхозный лен.
Станет мне показывать
Все места подряд,
Где мальчишкой бегал я
Много лет назад,
Где луга зеленые
Вместе с ней косил
И куда ей завтраки
Я в жнитво носил...

Все опять припомнится,
Встанет предо мной, —
Будто не лежит она
В поле под сосной;
Будто теплым вечером
Смотрит из окна;
А кругом — широкая,
Дружная весна...
Спой же, спой, Прокошина,
Что трава не скошена...

1937.

ПЕЛИ ДВЕ ПОДРУГИ

Пели две подруги,
Пели две Маруси, —
Как осенним утром
Улетели гуси;

Как прощались гуси
Со своим гнездовьем:
С речками, с лесами,
С тихим Приднепровьем;

И кричали гуси,
В небе пропадая,
Что всего дороже
Сторона родная...

*
* *

Улетели гуси,
Лето закатилось.
По лесам брусника
В кузовок просилась;

По лесам орешник
Гнулся, безутешен,
И ронял орехи
Со своих орешин.

И пошли подруги
Тропами лесными.

Поднималось небо
Высоко над ними.

Осыпались липы,
Облетали клены,
Лист на землю падал,
Словно раскаленный.

Стлалася тропинка
Золотой каемкой,
И хотелось песни
Ласковой, негромкой.

И внезапно в небе
Гуси прокричали
О разлуке тяжкой,
О своей печали.

Прокричали гуси
Над лесной округой,
Два пера на память
Сбросили подругам.

И подруги стали,
Головы закинув,
Словно две осенних,
Две лесных рябины.

И запели разом,
Стаю провожая,
Что всего дороже
Сторона родная.

1941.

У САМОЙ ГРАНИЦЫ

У самой границы, в секрете,
Я зоркую службу несу, —
За каждый пригорок в ответе,
За каждую елку в лесу.

Укрытый густыми ветвями,
И слушаю я, и смотрю,

И сердцем с родными краями
В такие часы говорю.

И все мне становится ближе,
Как будто сквозь сумрак ночной
Я всю свою родину вижу,
И вся она рядом со мной.

Проходят, встают предо мною
Поселки, поля и леса,
И месяц над самой трубою,
И липа поодаль крыльца;

И Черное море, и горы,
Где я никогда не бывал,
И стены Кремля, у которых
Я Сталину клятву давал.

А только лишь утро затронет
Высокие сосны вокруг,
Я чую — в далеком районе, —
Зарю объявляет пастух.

Я вижу, как солнце выходит,
Как трактор идет большаком
И как мальчуган на подводе
Бидоны везет с молоком;

Такой деловитый и строгий,
Что взрослому было б подстать,
И даже счастливой дороги
Охота ему пожелать.

А где-то за милую душу
Горланит петух молодой,
И девушка — может, Катюша —
Из хаты бежит за водой;

И ласточки крыльями машут,
И топится чья-нибудь печь...
И все это — родина наша,
А родину надо беречь.

1941.

ДО СВИДАНЬЯ, ГОРОДА И ХАТЫ!

До свиданья, города и хаты! —
Нас дорога дальняя зовет.
Молодые смелые ребята —
На заре уходим мы в поход.

На заре, девчата, выходите
Комсомольский провожать отряд.
Вы без нас, девчата, не грустите, —
Мы придем с победою назад.

Грозной силой на земле и в море
Встретим мы непрошеных гостей,
И фашистской кровожадной своре
Не собрать вовек своих костей.

Мы развеем вражеские тучи,
Разметем преграды на пути,
И врагу от смерти неминучей,
От своей могилы не уйти.

Наступил великий час расплаты,
Нам вручил оружие народ.
До свиданья, города и хаты, —
На заре уходим мы в поход.

1941

МЫ ШЛИ

Мы шли молчаливой толпою, —
Прощайте, родные места! —
И беженской нашей слезою
Дорога была залита.

Вздымалось над селами пламя,
Вдали грохотали бои,
И птицы летели за нами,
Покинув гнездовья свои.

Зверье по лесам и болотам
Бежало, почуя войну, —

Видать, и ему неохота
Остаться в немецком плену

Мы шли. В узелки завязали
По горстке родимой земли.
И всю б ее, кажется, взяли,
Но всю ее взять не могли.

И в горестный час расставанья,
Среди обожженных полей,
Сурово свои заклинанья
Шептали старухи над ней:

— За кровь, за разбой, за пожары,
За долгие ночи без сна —
Пусть самою лютою карой
Врагов покарает она!

Пусть высохнут листья и травы,
Где ступит нога палачей,
И пусть не водою — отравой
Наполнится каждый ручей!

Пусть ворон — зловещая птица —
Клюет людоедам глаза,
Пусть в огненный дождь превратится
Горючая наша слеза!

Пусть ветер железного мщенья
Насильника в бездну сметет.
Пусть ищет насильник спасенья
И пусть он его не найдет

И вечною казнью казнится,
Каменья грызя взаперти!

* *
*

Мы верили — суд совершится,
И легче нам было итти.

1942

НАКАЗ СЫНУ

Мой сын родной! Прильни к земле скорей,
Услышь
Слезами залитое слово.
Мой сын родной! У матери твоей
Теперь — ни хлеба, ни земли, ни крова.

Пришли о н и, как черная чума,
Пришли
И кровью нашей упивались:
Угнали скот и подожгли дома,
Над старым и над малым надругались.

Где день, где ночь — скитаюсь я одна
По выжженным лесам и перелескам...
Мой сын родной! А где ж твоя жена?
Мой сын родной! А где ж моя невестка?

Сграбастали, схватили у двора
Погаными разбойными руками.
Глумилися до самого утра,
А там — прощай! — прикончили штыками.

Погибла сиротинушка твоя,
Замученная мукою жестокой...
Ее в могиле положила я
Лицом к тебе, лицом туда — к востоку.

Прильни к земле, и сквозь смертельный бой(
Твоя душа услышит молодая,
Как плачет по тебе ее любовь,
Как плачет кровь, невинно пролитая.

Услышь, мой сын, и первым будь в бою,
Круши, карай неистовую силу
За всех, за нас, за родину свою,
За эту безответную могилу.

Уничтожай поганое зверье,
Пали огнем, дави его машиной!
И в том благословение мое,
Которое навеки нерушимо.

1941.

СТАРИК

У вырванных снарядами берез
Сидит старик, а с ним собака рядом,
И оба молча смотрят на погост
Каким-то дымным невеселым взглядом.

Ползет туман. Накрапывает дождь.
Над мертвым полем воронье кружится.
— Что, дедушка, наверно, смерти ждешь?
Наверно, трудно с немцами ужиться?

Старик помедлил. Правою рукой
Сорвал с куста листочек пожелтелый:
— В мои года не грех и на покой,
Да, вишь, без нас у смерти много дела.

Куда ни глянь — лютует немчура,
Конца не видно муке безысходной.
И у меня вот от всего двора
Остался я да этот пес голодный.

И можно ль нам такую боль стерпеть,
Когда злодей всю душу вынимает?..
В мои года не штука помереть,
Да нет, нельзя — земля не принимает.

Она — я слышу — властно шепчет мне:
«Ты на погосте не найдешь покоя,
Пока в привольной нашей стороне
Хозяйничает племя нелюдское.

Они тебе сгубили всю семью,
Твой дом родной со смехом поджигали;
Умрешь — могилу тихую твою
Железными затопчут сапогами...»

И я живу. Своим путем бреду.
Запоминаю — что и где творится.
Злодействам ихним полный счет веду, —
Он в час расплаты может пригодиться.

Пускай мне тяжко. Это ничего.
Я смерть не позову, не потревожу,
Пока врага, хотя бы одного,
Вот этою рукой не уничтожу.

1942.

МСТИТЕЛИ

Уже промчались многие недели,
Но этот день никто забыть не мог...
Здесь даже сосны с горя поседели,
Здесь даже камни плачут у дорог.

Как позабыть, когда пылали хаты,
Когда качались мертвецы в петле,
Когда валялись малые ребята,
Штыками пригвожденные к земле?

Как позабыть, когда слепого деда,
В зверином исступлении своем,
К двум танкам привязали людоеды -
И разорвали надвое живьем?

Забыть нельзя! И мы не позабыли,
Убийцам не простили ничего..
И пусть нам трубы сбора не трубили, —
На сбор пошли мы все до одного.

Мы собирались под столетним дубом
У стариков совета попросить,
И те сказали: племя душегубов
Земля не может на себе носить!

И под родным, под белорусским небом
Мы поклялись за мертвых и живых,
И в ту же ночь в стальную книгу гнева
Огнем вписали вражьих часовых.

С тех пор злодеев полегло немало, —
Навек нашли убежище свое! —
Повсюду гибель их подстерегала,
Хотя они не видели ее.

Она ждала их в поле и в дубраве,
Глядела из-за каждого куста,
Она рвала мосты на переправе
И под откос пускала поезда.

Она косила псов из пулемета, —
И сколько их покошено — сочти!
Она вела их в топкие болота,
Откуда нет обратного пути.

Она их на ночь в хату приводила,
Поила водкой, клала на кровать;
Когда же солнце поутру всходило, —
С кровати было некому вставать.

Мы поклялись: и в летний зной, и в стужу
Им не давать покоя ни на миг.
Мы поклялись: не складывать оружья,
Пока живет хотя один из них.

И мы своей не уронили чести,
Не позабыли славы боевой, —
И днем, и ночью древо нашей мести
Над вражеской бушует головой.

1942.

КАЛИНА

(По народным мотивам)

Помнишь — на пригорке,
В стороне родной,
Расцвела калина
Над рекой Десной?

Расцвела калина
Над рекой Десной,
Прилетал к калине
Соловей лесной.

Прилетал, залетный,
На нее взглянуть,
До утра калине
Не давал заснуть.

Слушала калина,
Словно замерла, —
Вся в цвету весеннем,
Вся белым-бела...

Помнишь — у калитки,
У ворот с резьбой,
В сумерки встречалась
Девушка с тобой?

В сумерки встречалась,
На берег вела.
На заре прощалась,
Как заря светла;

Легкая, взлетала
На крыльцо свое,
И назвал ты счастье
Именем ее.

Было этим счастьем
Все кругом полно...
Где же это счастье,
Где теперь оно?

Злая нечисть вражья
По земле прошла,
Белая калина
Замертво легла.

Над рекой калине
Больше не шуметь,
Соловью весною
Некуда лететь.

Обвила калину
Лютая змея,
Отдана в неволю
Девушка твоя.

Отдана в неволю —
Плакать целый век
У чужих, постылых,
У немецких рек.

Не встречаться больше
Вам в родном краю,
Коль живым оставишь
Недруга в бою;

Коль не вгонишь в землю,
Коль простишь ему, —
Не придет подруга
К дому твоему.

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

С берез — не слышен, невесом —
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг.

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом,

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед, —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука,

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светит в трудный час!
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму, —
Бойца не устрашит,

И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора.
Идем, друзья, идем! —
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

1942.

НЕ У НАС ЛИ, ПОДРУЖЕНЬКИ...

(Песня о фашистской неволе)

Не у нас ли, подруженьки,
Под весенними зорями,
Пели вечером девушки
О цветке о лазоревом?

Пели вечером девушки
О цветке о лазоревом,
Соловьи с гармонистами
До полуночи спорили.

Не по этой ли улице
С нами шла, горделивая,
Наша вольная волюшка,
Наша доля счастливая?

Наша доля счастливая
С нами шла, красовалася, —
Не на нас ли, подруженьки,
Вся земля любовалася?..

Словно коршуны злобные
Налетели насильники,
Приднепровские пажити
Превратили в могильники.

Растоптали без жалости
Наш цветочек лазоревый, —
Гармонистов повесили,
А девчат опозорили.

Дни и ночи без отдыха
Всех работать заставили,
За колючую изгородь
На мученье отправили.

Насмерть бьют нас прикладами,
Рвут руками нетрезвыми,
Поливают нам головы
Все дождями железными.

Где ж найти нам спасение
От злодея жестокого?..
Долети, наша жалоба,
До Кремля до высокого;

Дайся в руки надежные,
В руки верные Сталина,
Расскажи ему, горькая,
Как земля опечалена;

Как мы утром и вечером
Смотрим в даль заднепровскую —
Все на ту на широкую,
На дорогу московскую:

Может, знамя победное
Вдалеке заколышется,
Может, Красная Армия
Нам на выручку движется.

Ждут ее, долгожданную,
И мужчины и женщины,
Ждут леса белорусские,
Ждут пригорки Смоленщины.

Всё навстречу ей кинется,
Всё навстречу ей тронется,
В ноги сталинской армии
Каждый кустик поклонится.

Рухнет тяжесть безмерная,
Что на плечи нам взвалена...
Вся надежда, подруженьки,
Вся надежда на Сталина.

1942.

ПРОЩАЛЬНАЯ

Далекий мой! Пора моя настала,
В последний раз я карандаш возьму...
Кому б моя записка ни попала,
Она тебе писалась одному.

Прости-прощай! Любимую веснянку
Нам не певать в веселый месяц май.
Споем теперь, как девушку-смолянку
Берут в неволю в чужедальний край;

Споем теперь, как завтра утром рано
Пошлют ее по скорбному пути...
Прощай, родной! Забудь свою Татьяну,
Не жди ее. Но только отомсти!

Прости-прощай!.. Что может дать рабыне
Чугунная немецкая земля?
Наверно, на какой-нибудь осине
Уже готова для меня петля.

А может, мне валяться под откосом
С пробитой грудью у чужих дорог,
И по моим по шелковистым косам
Пройдет немецкий кованый сапог...

Прощай, родной! Забудь про эти косы.
Они мертвы. Им больше не расти.
Забудь калину, на калине росы,
Про все забудь. Но только отомсти!

Ты звал меня своею нареченной,
Веселой свадьбы ожидала я.
Теперь меня назвали обреченной,
Лихое лихо дали мне в мужья.

Пусть не убьют меня, не искалечат,
Пусть доживу до праздничного дня,
Но и тогда не выходи навстречу —
Ты не узнаешь все-равно меня.

Все, что цвело, затоптано, завяло,
И я сама себя не узнаю.
Забудь и ты, что так любил бывало,
Но отомсти за молодость мою!

Услышь меня за темными лесами,
Убей врага, мучителя убей!..
Письмо тебе писала я слезами,
Печалью запечатала своей...
Прости-прощай!..

1942.

ОТТУДА

В далекий путь собравшись втихомолку,
Старуха ночью вышла из села.
Взяла ведро, взяла еще кошелку
И за собой корову повела.

Забыла все — и годы, и усталость,
Не побоялась никаких невзгод.
И одного лишь, кажется, боялась, —
Что вдруг ее корова заревет.

Услышат немцы — и пропало дело!
Убьют, замучат иль сведут с ума...
Но тут уж и корова не ревела,
Как будто знала, чуяла сама.

Так шли они из вражеского тыла
Вдали от сел, вдали от деревень —
Туда, где солнце по утрам всходило,
Туда, откуда начинался день.

Так шли они нехоженой тропою
От леса к лесу, от ручья к ручью
В пути старуха свежею травою
Кормила щедро спутницу свою;

Водою родниковою поила
И, словно дома, в тот же самый срок,
Под старыми березами доила,
Усевшись на какой-нибудь пенек.

И с горькой думой, в тихий час привала,
Пила неторопливо молоко.
И снова в путь корову поднимала:
— Идем, идем! Теперь недалеко.

Идем, идем! Авось, дойдем живые
На счастье на старушечье мое...
На третьи сутки наши часовые
Увидели, окликнули ее.

— Свои, свои! — Она остановилась
С коровою, с кошелкою, с ведром,
Смущенная, неловко поклонилась:
Вот, мол, пришла со всем своим добром.

Пред ней бойцы столпились полукругом:
— Куда идешь, куда шагаешь, мать?
— Куда ж итти, — ответила старуха, —
Иду, бреду судьбу свою искать.

Иду, бреду, несу свои печали... —
И голос вдруг осекся и погас,
И мелкой дрожью губы задрожали.
И слезы, слезы сыпались из глаз.

Бойцы старуху отвели в землянку,
Стараясь обласкать наперебой.
Достали хлеба свежую буханку
И вскипятили чайник фронтовой.

— А ну-ка, мать, попробуй нашей пищи,
А мы с тобою рядом посидим.
Уж мы теперь судьбу твою разыщем.
Уж мы тебя в обиду не дадим!

Освоилась старуха, осмотрелась:
Хорошую нашла она семью!
И вдруг сказала: — Что ж я тут расселась?
А я ж пойду корову подою.

И вскоре с материнскою заботой
Она бойцов поила молоком
И говорила, говорила что-то,
И называла каждого сынком.
1942.

УКРАИНА МОЯ, УКРАИНА...

Памяти неизвестного лейтенанта, героически погибшего в боях за Украину.

Пробил час, наступило мгновенье,
И в неясной предутренней мгле,
Поднимались войска в наступленье,
Шли войска к украинской земле;
Шли на запад по снежным равнинам
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Все, что думалось, чудилось, пелось, —
Все на этом лежало пути...
Раньше всех лейтенанту хотелось
До своей Украины дойти.
Вся в цвету вспоминалась калина,
Что под вечер ждала соловья...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Сколько б верст до тебя ни осталось,
Мы к порогу придем твоему...
Но упал лейтенант, и казалось,
Что уже не подняться ему:
Налетела немецкая мина,
Жаркой крови хлестнула струя...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Всю тебя искромсали, скрутили,
Исковеркали всю чужаки...
— Поднимите меня, побратимы,
Дайте на ноги встать, земляки!

Я рядов боевых не покину,
Пусть умру, но дойду до нее...
Украина моя, Украина,
Сердце мое!

Мы противиться были не в силах,
Возразить не могли ничего, —
В те часы даже смерть отступила
Перед жгучим желаньем его.
Он поднялся: — За мною, орлята! —
И взметнулась людская волна.
И видны уже белые хаты
Украина видна!..

Он дошел до родимого края,
С честью выполнил воинский долг.
Но, последние силы теряя,
Покачнулся, упал и замолк.
Скорбно шапки снимала дружина —
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Ненько моя!..

Январь 1943.

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН КРАСНОАРМЕЕЦ

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.

Кто б ни был ты — рыбак, шахтер,
Ученый иль пастух,—
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.

И для тебя, и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберег.

1942.

ОЙ, ТУМАНЫ МОИ!

Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга! —
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.

На прощанье сказали герои:
— Ожидайте хороших вестей.
И на старой смоленской дороге
Повстречали незванных гостей.

Повстречали — огнем угощали,
Навсегда уложили в лесу
За великие наши печали,
За горючую нашу слезу.

С той поры да по всей по округе
Потеряли злодеи покой:
День и ночь партизанские вьюги
Над разбойной гудят головой.

Не уйдет чужеземец незванный,
Своего не увидит жилья...
Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родная сторонка моя!

1942.

ЛЕГЕНДА

Сказывают, где-то под Смоленском
Вырос этот парень молодой,
Мирно жил он в хате деревенской,
И носил он шапку со звездой.

Был он по занятию садовник:
Поливал, окапывал, растил,
Разводил клубнику и крыжовник,
Яблони и груши разводил.

День за днем — ни времени, ни силы
Не жалел для дела своего,
И земля садовника любила,
И любили девушки его.

Так и жил он, честно и открыто,
И не чуял никакой беды.
Грело солнце. Наливалось жито,
И в садах румянились плоды.

Все шумело, красовалось, пело...
Только все-таки беда пришла:
Душегубов злоба одолела,
Зависть несусветная взяла.

Затрубили черные их трубы,
Зазвучала их собачья речь.
Двинулись войною душегубы —
Резать, бить, насиловать и жечь.

Вольный край хотели заневолить,
Завладеть и небом и землей,
Весь народ навеки обездолить,
Задушить железною петлей.

И не стало от руки разбойной
Никакой пощады никому...
Ой, как больно, нестерпимо больно
Сделалось садовнику тому!

Край родной — с пригорками, с лесами,
Может, самый лучший на земле —
День и ночь стоял перед глазами,
Весь в крови, в развалинах, в золе.

От всего живого отгорожен,
Позабыл он и тепло и свет.
А весна притти туда не может,
А весне туда дороги нет.

Май настал, а солнце не пригреет,
А земля, как мертвая, пуста;
И трава на ней не зеленеет,
И деревья не дают листа

Чахнут люди в подземелье, в яме,
Холодают, голодают, мрут
И глядят печальными глазами,
Как девчат на каторгу ведут.

Плач и стон стоит по всей округе,
Кладбища — за каждою верстой...
Взял садовник, взял винтовку в руки,
И надел он шапку со звездой.

И свою деревню покидая,
Пал на землю в полуночный час:
«Отзовися, мать-земля сырая,
Дай мне, сыну твоему, наказ!

Я готов, и, что б со мной ни стало,
Будет все по слову твоему...»
Что в ту ночь земля ему сказала —
Это неизвестно никому.

И одно лишь, говорят, известно,
Лишь одно проверено вполне,
Что с тех пор не находили места
Душегубы в этой стороне;

Что повсюду гибель им грозила,
Где б они ни стали на постой,
Что дана была такая сила
Человеку в шапке со звездой.

И когда он выстрелил впервые
После этой ночи по врагу,
Распустила лепестки живые
Первая ромашка на лугу.

А когда он уложил второго
Из своей винтовки боевой,
Белая береза над дорогой
Вдруг покрылась вешнею листвой.

И с тех пор, лишь пуля попадает
В крест паучий, в проклятую грудь,
Что-нибудь растет и зацветает,
Тотчас оживает что-нибудь.

Вот уже зазеленели всходы,
Вот побеги яблоня дала,
Вот уже отправилась за медом
В рощу басовитая пчела.

Разошлись туманы над водою,
Где-то песню девушка поет...
Человеку в шапке со звездою
Вся земля свой голос подает.

Вся земля встречает, словно праздник,
Воина — любимца своего...
На Дону, под Курском и под Вязьмой —
Сказывают — видели его.

Сказывают — всюду, повсеместно
Он разил врага наверняка...
Где теперь он — это неизвестно,
Это засекречено пока.

Может быть, легла его дорога
За каким-нибудь глухим селом,
Может, он теперь у Таганрога,
А, быть может, где-то под Орлом.

Но покамест он не уничтожит
Душегубов, палачей, гадюк,
Ни за что оружия не сложит,
Ни за что не выпустит из рук.

Он придет и в Киев и в Полтаву,
Он пойдет за Днепр и за Десну, —
В каждый дом и в каждую дубраву
Принесет он солнце и весну.

Час настанет, и враги заплачут
Смертною, последнею слезой...
Пожелаем же, друзья, удачи
Человеку в шапке со звездой!

Май, 1943.

ЛЕТЕЛИ НА ФРОНТ САМОЛЕТЫ

Летели на фронт самолеты,
Над полем закат догорал.
И пели бойцы на привале —
Как сокол в бою умирал.

Бесстрашно он бился с врагами
За счастье советской земли,
Но грудь ему пулей пронзили,
Но крылья ему подожгли.

И раненый сокол воскликнул:
— Пусть я погибаю в бою, —
Они дорогою ценою
Заплатят за гибель мою!

И ринул на вражьи гнездовья
Два жарко горящих крыла.
Его соколиная гибель
Всю землю кругом потрясла.

Спалил он разбойную нечисть,
Развеял, как пепел и дым —
Последним движением сердца,
Последним дыханьем своим.

Летели на фронт самолеты,
Над полем закат догорал.
И пели бойцы на привале —
Как сокол в бою умирал.

1942.

СЛУШАЙТЕ, ТОВАРИЩИ...

Слушайте, товарищи! —
Наши дни кончаются,
Мы закрыты, заперты
С четырех сторон...
Слушайте, товарищи! —
Говорит, прощается
Молодая гвардия,
Город Краснодон.

Все, что нам положено, —
Пройдено, исхожено.
Мало их осталося —
Считанных минут.
Скоро нас, измученных,

Связанных и скрученных,
На расправу лютую
Немцы поведут.

Слушайте-ж, товарищи! —
Мы умрем, как воины.
Мы достойно сложим
Головы свои.
Жалко только волюшки
Во широком полюшке,
Жалко солнца на-небе,
На земле — любви...

Знаем мы, товарищи, —
Нас никто не вызволит.
Знаем, что насильники
Довершат свое,
Но когда б вернулася
Юность наша сызнова, —
Мы бы вновь за Родину
Отдали ее.

Слушайте-ж, товарищи! —
Все, что мы не сделали,
Все, что не успели мы
На пути своем, —
В ваши руки верные,
В ваши руки смелые,
В руки комсомольские
Мы передаем.

Мстите за обиженных,
Мстите за униженных,
Душегубу подлому
Мстите каждый час!.. —
Мстите за поруганных,
За убитых, угнанных,
За себя, товарищи,
И за всех за нас.

Пусть насильник мечется
В страхе и отчаяньи,
Пусть своей Неметчины

Не увидит он!.. —
Это завещает вам
В скорбный час прощания
Молодая гвардия:
Город Краснодон.

26 окт. 1943.

БЕЛОРУССКАЯ ПЕСНЯ

Ой вы, вольные птицы,
Ой вы, серые гуси!
Долетите вы, гуси,
До моей Беларуси,
До моей Беларуси;
До родимой сторонки,
А в родимой сторонке
До деревни Сосонки.

Прокричите вы, гуси,
Высоко в поднебесьи,
Что с победою скоро
Мы придем на Полесье;
Мы придем на Полесье
В города и селенья,
Нашим братьям и сестрам
Принесем вызволенье.

Пусть они не сдаются,
Пусть они ожидают,
А для немцев могилу
Пусть поглубже копают;
Пусть поглубже копают;
Пусть копают пошире, —
За кровавые раны,
За обиды большие.

А еще, мои гуси,
Разыщите девчину,
Что ушла партизанить
За родную краину.
От меня передайте

Ей одно только слово —
Нерушимое слово,
Что мы встретимся снова.

Долетите-ж вы, гуси,
До родной Беларуси..

1—2 ноября 1943.

ОГОНЕК

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтовая семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.
Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
— Где ж ты, девушка милая?
Где ж ты, мой огонек?

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет;
Все, что было загадано,
В свой исполнится срок, —
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего,
От ее письмеца.

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За Советскую Родину,
За родной огонек.

1942.

ПРИМИТЕ МЕНЯ, ВЕКОВЫЕ ДУБРАВЫ

Примите меня, вековые дубравы,
Укройте от горького горя!..
Одно бы я горе сама одолела,
Да рядом шагает другое...

Росла я, жила на родимой сторонке,
Где люди нужды не встречали,
Где в каждой деревне и в каждом семействе
На-славу гостей угощали;
Где новые хаты, что бубен, звенели
И стружкою пахли сосновой,
Где осенью шумные свадьбы справляли
И пели «Бывайте здоровы», —
«Бывайте здоровы, живите богато,
А мы уезжаем до дому»...

Все кончилось разом — прошла непогода
По нашему краю родному.
Враги налетели — скрутили народу,
И руки, и ноги скрутили.
Озера и реки они помутили
И небо они закоптили.
Отцовскую хату сравняли с землею,
Село превратили в кладбище.
Колючий бурьян да густая крапива
Шумят на родном пепелище....

Примите-ж меня, вековые дубравы,
Укройте от горького горя!..
Одно бы я горе сама одолела,
Да рядом шагает другое...

Я с милым своим на родимой сторонке.
На тех берегах повстречалась,
Где в теплые ночи, в июньские ночи.
Заря об зарю зажигалась;
Одна догорала, а рядом другая,
Другая заря занималась,
Одна перепелка во ржи замолкала,
Другая в лугах откликалась...

Все кончилось разом — немецкая пуля
Убила родного, убила...
А я-ж ему отдала душу и сердце,
А как же его я любила!..
А мне не позволили даже проститься,
Побыть у него на могиле, —
Схватили, втолкнули в вагон за решетку
И наглухо двери закрыли.
Штыком и прикладом забыть приказали
Родимую нашу краину, —
Все дальше и дальше увозят на запад —
На муку, на смерть, на чужбину.
И я не стерпела. В поруганном сердце
Вскипела вся воля и сила! —
Стальная решетка меня не сдержала
И пуля меня не скосила...

Примите-ж меня, вековые дубравы.
Укройте от лютой угрозы!..
Вы скажете — плачу... Нет, я не заплачу, —
Я дома оставила слезы.
Я их схоронила под пеплом горячим,
Под старой сожженной ветлою.
Одну только жгучую ненависть к немцам
Взяла я в дорогу с собою.
За все мне ответит, за все мне заплатит,
Заплатит пришелец незванный!..
Примите-ж меня, вековые дубравы,
Примите меня, партизаны!

1943.

РАССКАЗ ПРО СТЕПАНА И ПРО СМЕРТЬ

1

К Степановой хате весной, перед вечером,
Подкралася смерть неприметной тропой:
— Степан Алексеич! Раздумывать нечего...
Степан Алексеич! Пришла за тобой.
Как видно, пропала ухватка железная, —
Лежишь ты да зря переводишь харчи...
«Что верно, то верно, — хвораю, болезная,
Что правда, то правда, — лежу на печи.
Давно уж задумал я думу нездешнюю,
Давно отошел от полей и двора»...
— Ну, что-ж, приготовь свою душеньку грешную, —
Сегодня твоя наступила пора...
«Готов я. И доски для гроба натесаны.
И выбрано место... Дорога одна.
А только нельзя ли отсрочить до осени, —
Уж больно хорошая нынче весна.
Хочу перед ночью своей нескончаемой
При свете, при лете пожить, подышать,
На все на живое взглянуть на прощание,
Чтоб легче мне было в могиле лежать.
Опять же — хоть стар я, а все же с понятием,
И знать, понимаешь ли, надобно мне, —
Что Сталин придумал насчет неприятеля
И как повернутся дела на войне.
Узнаю про все и умру, успокоенный, —
Ни словом, ни делом тебе не солгу»...
И смерть отвечала: — Пусть будет по-твоему:
До первого снега отсрочить могу.

2

Вот лето промчалось. Покосы покошены.
Хлеба обмолочены. Тихо кругом.
Земля принакрылася белой порошею
И речка подернулась первым ледком.
В окошко старик посмотрел, запечалился, —

Знакомая гостья спешит через двор:
— Степан Алексеич! Отсрочка кончается...
Степан Алексеич! Таков уговор...
«Что верно, то верно.. Пора мне скопытиться,—
Степан говорит, — отслужил — и в запас.
Да, знаешь ли, дело такое предвидится,
Что мне умереть невозможно сейчас.
За все моя совесть потом расквитается,
А нынче бы надо со мной погодить:
Прибыток в дому у меня ожидается, —
Невестка мне внука должна народить.
И хочешь — не хочешь, но так уж
приходится, —
Позволь мне хоть малость постранствовать тут:
Мне б только дождаться, когда он народится,
Узнать бы — какой он и как назовут.
И много ль для этого надобно времени? —
Ну, месяц, ну, два... Так о чем же тут речь?..
К тому же, пока еще нет замирения, —
На немцев бы лучше тебе приналечь.
А там — приходи. Три аршина отмеривай, —
Степан не попросит уже ничего.
И будет лежать он — спокойный, уверенный,
Что живо, что здравствует племя его.
Солдату бывалому, старому воину —
Сама понимаешь — не грех уступить...»
И смерть отвечала: — Пусть будет по-твоему.
Хитришь ты, я вижу, да так уж и быть...

3

Мороз отскрипел. Отшумела метелица.
Снега потеряли свою белизну.
Туман вечерами над речкою стелется,
На улице девушки кличут весну.
Ручей на дорогу откуда-то выбежал, —
Запел, заиграл — молодой баламут!..
Степан Алексеич поднялся — не выдержал, —
Уселся на лавке и чинит хомут.
И любо Степану — и любо и дорого,
Что он не последний на ниве людской:

Поди, не надеялись больше на хворого,
А хворый-то — вот он, выходит, какой! —
И сам — хоть куда, и работа не валится
Из старых толковых степановых рук.
А внуком и вправду Степан не нахвалится,
Да как нахвалиться? — Орел, а не внук!

Накопит он силы, войдет в разумение,
А там — и пошел по отцовским стопам!
Задумался старый... И в это мгновение
Послышался голос: — Готов ли, Степан?
Степан оглянулся: «Явилася, странница!..
А я-то, признаться, забыл уж давно:
На старости память, как видно, туманится
И помнить про все старику мудрено».
— Ой, врешь ты, Степан! — заворчала
пришелица, —
Совсем очумел от моей доброты! —
Я думала — все уж... А он канителится, —
Расселся и чинит себе хомуты!

Ужели-ж напрасно дорогу я меряла?..
Хорош, человече!.. Куда как хорош!..
А я-то на честное слово поверила,
А мне-то казалось, что ты не соврешь.
Старик не сдержался: — Казалось! Казалося —
Подумаешь тоже — нарушил обет!..
Да что ты, в сам-деле, ко мне привязалася —
Как будто другого занятия нет!
Понравилось, что ли, за старым охотиться, —
Стоишь над душой, а не знаешь того,
Что скоро с победою сын мой воротится
И пишет он мне, чтобы ждал я его.
И как же не встретиться с ним, не
увидеться,
И как не дождаться желанного дня? —
Великой обидою сердце обидится,
Коль праздник мой светлый придет без меня.
Не во-время ты на меня изловчилася,
Не в срок захотела меня уложить:
Уж как бы там ни было, что б ни случилося,
А Гитлера должен Степан пережить

И что ты ни делай, и что ни загадывай, —
Пока не услышу, что Гитлер подох —
Ты лучше в окошко мое не заглядывай,
Ты лучше ко мне не ступай на порог.
И это тебе мое слово последнее,
И это тебе окончательный сказ!..
Подумала смерть, постояла, помедлила,
Махнула рукою и скрылась из глаз.
1944.

ЕСТЬ ВО ВСХОДСКОМ РАЙОНЕ...

Есть во Всходском районе деревня такая,
Где над речкой крушина цвела,
Где гармонь, на гулянье девчат закликая,
Вдоль по берегу вечером шла;
Где в полях поднимались дружные всходы,
По оврагам журчали ручьи;
Где на ясные зори, на тихие воды
Прилетали весной соловьи...
Есть во Всходском районе деревня такая,
Где оставил я детство свое.
И куда б я ни шел — мне звучал, не смолкая,
Теплый, ласковый голос ее.
И не раз мое сердце туда порывалось —
В золотые ее вечера...

Ничего от деревни моей не осталось.
Ничего — ни кола, ни двора.
Оплели ее немцы колючкою ржавой,
Чтобы жить и дышать не могла.
И во имя разбойной немецкой державы
Подожгли и спалили дотла.
Все растерзано, смято, разбито, разрыто.
И невёдомо сколько недель —
Одинокий и скорбный, людьми позабытый,
Над колодцем скрипел журавель.
Опаленный пожаром, взывал он о мести
За великие муки земли,

За людей, что палач растоптал, обесчестил,
Что до срока в могилу легли.
И сурово земля оскорбленная мстила
Душегубу — врагу своему:
За два года она не дала, не взрастила
Ни единой былинки ему.
Никакой, даже самой жестокой угрозой
Враг добиться не мог ничего.
Лишь могильных крестов из смоленской березы
Не жалела земля для него.
Получил он сполна, что другим напророчил —
Бесноватый немецкий пророк! —
И росли, и росли эти мертвые рощи
У больших и у малых дорог.
И пришла, наступила такая година —
Покатилась чумная орда! —
Ты навеки свободна, родная крайна, —
Черный день не вернется сюда.
Стихли зарева, смолкли раскаты орудий,
Чист и ясен вдали небосклон.
И впервые на свет выбираются люди, —
Кончен тяжкий немецкий полон! —
И сверкая на солнце, в разливе широком,
Льется тихо и плавно Угра,
И погонщики гонят стада по дорогам,
И на стройку спешат мастера.
На родных пепелищах — с утра до заката —
Топоры не смолкая стучат,
И поднявшись над пеплом, сосновые хаты,
Словно колокол медный, звучат.
Вон уже воробьи примостились на крыше,
Вон из труб показались дымки...
— Ничего... уж теперь поживем мы,
подышим, —
Неспеша говорят старики...

Расправляйся-ж и крепни, сторонка родная,
Беспечально и вольно живи! —
Пусть опять, словно песня большая-большая
Поднимаются всходы твои.

Пусть добром наполняется каждая хата,
Пусть бушуют сады над Угрой,
И на берег высокий выходят девчата
На свиданье вечерней порой.
Все, что было с тобою — пусть в сон обернется

И твои не туманит глаза,
Пусть отныне твоей головы не коснется
Никогда никакая гроза!

Ноябрь, 1943.

ПИСЬМО ДРУЗЬЯМ

Какие с вами прожили мы годы,
Друзья мои, припомним этот час! —
Мы до конца познали все невзгоды,
И смерть свою встречали мы не раз.

Мы собственными видели глазами,
Как враг топтал несжатые поля,
Как плакала кровавыми слезами
Родная наша русская земля;

Как зарева до неба поднимались
Над сёлами, над зеленью садов...
А скольких мы друзей не досчитались,
А сколько потеряли городов!

Но даже в дни тягчайших испытаний
Мы верили, что правда не умрет,
Что будет время — и товарищ Сталин
Свои полки на запад поведет;

Что не уйти бандитам от расплаты,
Завесой не укрыться огневой, —
За нашу боль, за скорби, за утраты
Они своей ответят головой.

И срок настал. Настала та минута, —
Был вынесен великий приговор! —
И мы прошли от Волги и до Прута,
От гор Кавказа до Карпатских гор.

Мы шли вперед со славой боевою,
Неся народам радостную весть.
И по ночам салюты над Москвою
Не раз, не два гремели в нашу честь.

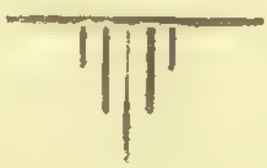
Мы очищали земли от вандалов,
Мы возвращали к жизни города.
И враг такие получил удары,
Что вряд ли позабудет их когда.

Пусть волчьи слезы льют теперь в Берлине
О тех, кому вернуться не дано,
О тех, что полегли на Украине,
Что в Черном море пущены на дно;

Пусть враг дрожит перед своею бездной,
Перед своим перед последним днём! —
Близка пора, когда рукой железной
Навек в ту бездну мы его столкнем;

Умножим славу прадедов и дедов,
В боях ни сил, ни крови не щадя.
Близка пора. И Армия Победы
Ждет только слова своего вождя.

1944.



СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Слава родине:	
1. Да здравствует долгие годы	3
2. Живи, советская отчизна	3
Здравствуй, Смоленск!	4
Я вырос в захолустной стороне	5
Земля	6
Весна	7
Настасья	7
Вишня	9
В гости приехала дочь	9
Прощанье	11
Катюша	12
Морячка	13
Провожанье	14
И кто его знает	15
Шел со службы пограничник	16
На горе—белым-бела	17
Что за славные ребята	17
Песня о девушке	18
Зимний вечер	19
В родном краю	20
Спой мне, спой, Прокошина	21
Пели две подруги	23
У самой границы	24
До свиданья, города и хаты	26
Мы шли	26
Наказ сыну	28
Старик	29
Мстители	30
Калина	31

Рассказ старухи 33
В прифронтовом лесу 37
Не у нас ли, подруженьки 38
Прощальная 40
Оттуда 41
Украина моя, Украина 43
Здесь похоронен красноармеец . . 44
Ой, туманы мои! 45
Легенда 45
Летели на фронт самолеты 48
Слушайте, товарищи... 49
Белорусская песня 51
Огонек 52
Примите меня, вековые дубравы . . 53
Рассказ про Степана и про смерть . 55
Есть во Всходском районе 58
Письмо друзьям 60

Цена 3 р. 50 к.